

религии в политическом дискурсе в современном Египте», Т.А.Асон (МИИЯ, Россия) «Слияние и поглощение компаний как форма объединения компаний», О.Г.Орловой (Кемерово, Россия) «Стереотипы “противостояния” в структуре концепта “Russia”», Е.П.Буториной (РГГУ, Россия) «Семантические карты для экспертных систем по нормативно-правовой базе ВТО».

В большинстве представленных сообщений ключевым понятием для современного общества практически во всех сферах его деятельности является глобализация, порожденная бурным развитием информационных технологий, созданием планетарных коммуникационных сетей, либерализацией международной торговли, развитием транспортных сетей. Однако помимо новых возможностей и решений, ускорения темпов технологизации общества, преодоления национальных и политических границ, стандартизации культур, глобализация несет с собой и новые проблемы в области экологии, духовной жизни, финансово-экономической сфере, которые захватывают мир подобно эпидемии. Ученые констатируют, что эти проблемы проявляют себя как объективный фактор развития современного общества, которые человеку необходимо прогнозировать и учитывать в повседневной деятельности.

Библиографический список

1. Язык и культура. Материалы международной научной конференции. Москва: отделение языка и культуры РАН, 2001, 2003, 2005
2. Язык, культура, общество. Материалы международной научной конференции. Москва: отделение языка и культуры РАН, 2007, 2009

Т.А.Знаменская

Екатеринбург, Россия

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ТЕОРИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ XX в.

Социологические описания доминантных социальных факторов и ценностей различных обществ, которыми были отмечены исследования второй половины. XX века, опирались на парадигму, включающую наряду с другими параметрами такой обязательный фактор, как «гендер». Так, в

работах Дж.Хофстеда [Hofstede 1980,1991], посвященных социальной структуре современного общества в национальном и историческом контексте, рассматривается среди прочих оппозиция мужской и женской гендерной роли в обществе. По соотношению этих социальных ролей он выделяет три типа обществ – мужские (с жестким разделением социальных гендерных ролей), женские (с максимальным совпадением таких ролей) и нейтральные (не акцентирующие такое разделение). На основании социологических, в том числе квантитативных, исследований ряд конкретных стран был отнесен к каждому из этих типов. Среди «женских» стран оказались Скандинавия, Нидерланды, Франция, Испания, Португалия, Африка и др., среди «мужских» - Япония, Италия, Германия, Мексика, Венесуэла, а в разряд нейтральных стран попали англо-саксонские страны и некоторые азиатские. Таким образом, Англия и США по этой классификации представляют собой страны с нейтральным восприятием социальных гендерных ролей. Однако социалингвистические исследования показывают, что дифференциация гендерного речевого поведения существует и в англоговорящих странах.

Начиная с 60х годов прошлого века, этой проблеме было посвящено значительное количество социалингвистических работ, во многом опирающихся на данные социологических, антропологических, психологических и культурологических исследований. Впервые термин гендер в значении «социальный пол» был введен в научный обиход американским психоаналитиком Робертом Столлером, когда в 1968 году вышла его работа «Пол и гендер: о развитии мужественности и женственности» [Stoller, 1968]. По мнению Столлера, гендер – это понятие, которое базируется на психологических и культурных пояснениях, достаточно независимых от тех, которые толкуют биологический пол. Начиная с этого времени, тема гендера в языке активно исследуется различными лингвистами и учеными Америки и Европы и начинает приобретать статус предмета научных лингвистических трудов.

Опыт изучения различий между мужским и женским языком, накопленный на базе изучения «примитивных» языков, стал постепенно распространяться на «цивилизованные» европейские языки: английский, французский, немецкий.

Интересные исследования были проведены по восприятию мужчиной и женщиной цветов и форм объектов, своих социальных и статусных ролей, и

соответственным отражением этих особенностей в их вербальном поведении. Проводились эксперименты с учетом влияния ряда социально-психологических факторов на речь испытуемых. Изучалась как устная, так и письменная речь, но преимущество в изучении отдавалось устной речи вследствие того, что она более спонтанна и менее подвержена контролю сознания; поэтому в устной спонтанной речи гендерные различия проявляются более контрастно. При исследовании количественных особенностей вербального поведения полов одной из самых изученных и популярных тем стало изучение мужских и женских дискурсивных практик. В процессе развития лингвистической мысли по вопросу гендера появляются первые публикации, посвященные анализу языка в социальном контексте, или, по Дж. Фишману, анализу «шести W» (who speaks?, with whom?, what?, when?, where? and why?) [Fishman, 1971: 8]. Американский ученый Дж. Фишман в своей работе «Социология языка» представляет «социально обусловленную вариативность языкового употребления», а также определяет социально обусловленные языковые варианты как цели, препятствия и стимуляторы социального взаимодействия, а самих пользователей языка и способы употребления ими языковых вариантов – как аспекты более общих социальных систем и процессов. Фишман утверждает, что именно в языковом употреблении, которое обычно считается явлением индивидуальным и окказиональным, можно обнаружить системные и регулярные признаки. Весьма интересны замечания Фишмана о том, что одни и те же общества могут использовать разную логику относительно национально-языковой идентичности в зависимости от условий коммуникации (пол, возраст коммуникантов, внешние факторы). Дж. Фишманом была основана новая парадигма социолингвистики, превратившая языковое употребление в центральный объект исследования.

В контексте данной парадигмы в 70х гг. сформировалась и так называемая социолингвистическая концепция дифференциальной теории Уильяма Лабова, основателя методологии социолингвистики [Labov W., 1972], являющейся теоретической базой квантитативных исследований в современной социолингвистике вообще и в лингвистической гендерологии в частности. Лабов доказал, что вариативность в языковых коллективах не случайна, а систематична и упорядочена.

У. Лабов ввел в социолингвистику, такое понятие как социолингвистическая переменная, а также ее варианты – индикатор и

маркер [Лабов, 1975:145]. Под социолингвистической переменной ученый понимает величину, которая зависит от некоторой нелингвистической переменной социального контекста: говорящего, слушающего, аудиторию, условия коммуникации и т. п. Под «величиной» здесь понимается частота использования какого-либо языкового варианта. Среди социолингвистических переменных он предлагает различать индикаторы и маркеры: индикаторы – это переменные, которые зависят от социально-экономических, возрастных и этнических факторов, а маркеры – это «более тщательно разработанные социолингвистические переменные», которые «обладают не только социальной дистрибуцией, но и стилистически дифференцированы» [Лабов, 1975: 150]. Языковое варьирование предполагает наличие социолингвистических переменных (маркеров, индикаторов) на всех уровнях языковой системы, включая фонетику, лексику, грамматику и целый текст.

В своих исследованиях, проведенных на анализе нарративов афро-американских языков, У. Лабов учитывает статистические социолингвистические переменные и прослеживает соотношение особенностей языковой реализации с социальной принадлежностью, возрастом, полом и этнической группой. На основе данных исследований Лабов строит свою социолингвистическую концепцию, которая заключается в том, что языковое варьирование в речи обусловлено, во-первых, самоидентификацией говорящего с определенной социальной группой и, во-вторых, следованием нормам, принятым в этой группе. Если рассматривать женщин и мужчин как две социальные группы, то различия в их речи, обусловленные соотношением себя с мужчиной или женщиной, могут рассматриваться как гендерные социолингвистические переменные. Рассматривая гендер в речи американцев, Лабов пришел к выводу, что женщины употребляют меньше осуждаемых форм, чем мужчины, и более склонны к престижным моделям [Л а б о в , 1975: 288]. Однако, языковая вариативность в зависимости от нелингвистических факторов, по мнению Лабова, неслучайна. Социолингвистические переменные, обусловленные такими факторами как пол, возраст, социальный статус говорящего, находят систематичное и упорядоченное отражение в речи. Например, Лабов установил, что частота различий в произношении у мужчин и женщин в английском языке значительно снижалась с повышением их социального статуса и уровня образования.

В рамках социолингвистической концепции Лабова можно утверждать, что говорящие используют язык, опираясь на личные представления о себе, как участнике определенной социальной группы. Часто данные представления сопряжены с социальными стереотипами. По словам У. Лабова, существует следующая общая аксиома социальной структуры языка: коррелятом регулярной стратификации социолингвистической переменной в сфере языкового поведения является систематическое совпадение субъективных реакций на эту переменную. Если применить данное утверждение к гендеру, то оно означает, что мужчина и женщина, используют в своей речи те фразы и выражения, которые соответствуют не только их собственным представлениям о том, как они должны использовать язык, но и представлениям общества в целом об образе мужчины и женщины, включая их речь и способ выражения мысли. Другими словами, мужчина и женщина в своей речи используют маркеры (социолингвистические переменные) двух типов: те, которые они считают приемлемыми для себя, и те, которые общество считает приемлемыми для них и которые ожидает от них услышать. Социолингвистические переменные первого типа чаще соотносятся с представлением говорящего об идеальном «я». Мужчина или женщина используют в своей речи фразы и выражения референтных представителей соответствующего пола, т.е. как бы копируют речевое поведение референтных индивидов мужского и женского пола. Общаясь с представителями того же пола, имеющими более высокое социальное положение, (например, знаменитыми политиками, писателями и т.п.) как женщины так и мужчины копируют речевые структуры, высказывания, отдельные фразы-клише, и другие социолингвистические переменные у собеседника. Социолингвистические переменные второго типа, как было сказано ранее, связаны с социальными стереотипами. По Лобову, стереотипы, проникшие в общественное сознание, могут реально выражать устойчивые оппозиции языковых форм, опирающиеся на две противостоящие системы глубинных социальных ценностей. [Лобов, 1975:197]. Это значит, например, что в своей речи мужчина активнее использует грубую сниженную лексику, употребляет слова с конкретными значениями, в то время как женщины склонны употреблять более мелиоративную лексику, расплывчатые формулировки и эвфемии. Однако стоит отметить, что гендер в речи, как и другие социолингвистические переменные, проявляет себя по-разному в зависимости от условий коммуникации, вплоть до полного исчезновения в некоторых видах

коммуникации. Например, официально-деловой или научный стиль речи классифицируются как наиболее нейтральные в отношении проявления гендера.

Во второй половине XX века происходит всплеск интереса к гендерным аспектам коммуникативных процессов, который связан с развитием философии постмодернизма. Одним из основных принципов постмодернизма в лингвистике является концепция деконструкции Жака Дерриды [Деррида Ж., 2007]. Основная идея деконструктивизма строится на том, что смысл фразы конструируется в процессе слушания, а привычное восприятие либо поверхностно и лишено глубины, либо навязано репрессивной интенцией автора. Поэтому необходима провокация, иницирующая мысль и освобождающая скрытые смыслы речи, не контролируемые автором. Лингвистический поворот философии XX века поставил в качестве основной задачи создание или поиск иного неиерархического языка как основы новой культуры. Ж. Деррида писал, что «для этого следует перевернуть все привычные представления о смысле, знаке, знании всех традиционных концептов, в особенности концепта коммуникации» [Деррида, 2007: 192]. Труды Ж. Дерриды связаны с попыткой переосмысления устаревших представлений о различиях в языке, которые основываются лишь на осознании распределения полоролевых обязанностей и прав в обществе. Новым по отношению к предыдущим работам гендерологов стал взгляд Жака Дерриды на проблему гендерной асимметрии в языке, который предлагает не изучать признаки различий в языке по дихотомии «мужчина-женщина», а создавать новый язык, где эти признаки будут недифференцированы.

В эпоху развития постмодернизма во Франции и Европе возникает новое политическое движение в США и Германии; которое колоссально повлияло на гендерные исследования в языке. В результате женского движения, которое выступало за равноправие полов и признание за женщинами полной политической дееспособности, возникло новое направление – феминистская лингвистика.

Феминистская лингвистика или же феминистская критика языка возникла в языкознании в 60-70 годы века. основополагающей стала работа Р. Лакофф «Язык и место женщины» [Lakoff, 1975: 34], обосновавшая андроцентричность (ориентированность на мужчину) и ущербность образа

женщины в картине мира, воспроизводимой в языке. По мнению Р. Лакофф, речевое поведение женщины отличается неуверенностью, меньшей агрессивностью по сравнению с мужским, большей гуманностью и ориентированностью на своего партнера по коммуникации. Женщина более внимательно выслушивает мнение собеседника, не стремится доминировать над ходом беседы. Мужчины же в диалоге более агрессивны, стремятся в беседе «держать ситуацию под контролем», менее склонны к компромиссам. В связи с этим такой речевой стиль женщины создает ореол неуверенности в себе и некомпетентности, что наносит ущерб её имиджу. Какие же черты женской речи способствуют этому? Р. Лакофф полагает, что в английском языке к этим чертам можно отнести предпочтение женщин к употреблению разделительных вопросов, использование повышающейся интонации там, где должна быть понижающаяся, употребление семантически опустошенной лексики, специальных пластов словаря, описывающих традиционно женские сферы жизнедеятельности, частое употребление эмфазы, различного плана интенсификаторов и модальных частиц. К тому же «женские» модальные средства гораздо разнообразнее и употребляются женщинами чаще. И в довершении всего, женщины шутят гораздо реже мужчин. Некоторые авторы утверждают, что юмор это тоже показатель гендерной асимметрии, которая подчеркивает мужское стремление выделяться и первенствовать во всем, всегда контролировать ситуацию не только физически, но и интеллектуально, что ведет к более агрессивным и рискованным формам юмора, несвойственным женщинам [Luman, 1997]. Если же женщина начинает использовать «мужские» речевые тактики, то она воспринимается как неженственная наглая феминистка [Lakoff, 1975: 178]. Р. Лакофф считает, что такое речевое поведение женщины часто приводит к коммуникативным неудачам и называет такое положение вещей «ситуацией двойной связанности» [Lakoff, 1975; 191].

В работах последующего поколения ученых была даже выдвинута гипотеза «дефицитности» женской речи, которой не хватает «речевых средств» для выражения своей уверенности и возможности доминировать в диалоге. Эта гипотеза была интересно модернизирована в «теорию двух культур» Деборой Таннен. В исследованиях Д. Таннен [Tannen, 1986: 1994, 1997] главное внимание было сосредоточено не на описании «механизмов угнетения и подавления» женщины в диалоге, а на так называемых коммуникативных неудачах, которые постигают мужчин и женщин в попытках ведения беседы в разнополых группах. Д. Таннен полагает, что

стилевые особенности разговорной речи, как мужчин, так и женщин, могут быть в равной степени обманчивы. Мужчины и женщины изначально овладевают языком в двух разных мирах (мире мальчиков и мире девочек), при этом каждая группа дает оценку противоположному стилю, исходя из своего собственного. В процессе развития феминистской лингвистики особо выделяется исследование языка с целью выявления языковых асимметрий, направленных против женщин – языкового сексизма. Речь идет о патриархальных стереотипах, зафиксированных в языке и навязывающих его носителям определенную картину мира, в которой женщинам отводится второстепенная роль и приписываются, в основном, негативные качества, что, в свою очередь, способствует игнорированию женщин в картине мира. Во многих из этих исследований главным элементом в формировании человека как социального существа считается не биологический пол, а культура. Выдвижение такого постулата опирается на весьма популярную в американской лингвистике теорию лингвистической относительности Сэпира-Уорфа, согласно которой язык детерминирует мировоззрение того, кто на нем говорит. Отсюда вытекает очевидная взаимосвязь «язык — культура». Изучение различных культур показало недостаточность объяснения поведения мужчин и женщин только биологическим полом. Поведенческие черты, которые проявляют мужчины и женщины в одной культуре, могут считаться неженственными и немужественными в другой [Lakoff, 1997]. Язык как раз и запечатлевает культурные различия и разную концептуализацию одних и тех же явлений.

Работы Р. Лакоффа и Д. Таннен и многих других лингвистов коренным образом повлияли на развитие гендерологии в целом. Одно из центральных направлений в феминистской лингвистике имело своей целью доказать существование патриархального уклада жизни многих цивилизованных стран (независимо от уровня их политического и экономического развития), что накладывало отпечаток на язык мужчин и женщин. Основываясь на теории Сэпира-Уорфа, что язык не только продукт общества, но и средство формирования его мышления и ментальности, сторонники феминистской лингвистики утверждают, что все ныне функционирующие языки - это мужские языки и строятся они на основе мужской картины мира. Целью этого направления феминистских исследований было стремление выявить и преодолеть языковой сексизм в языке.

Второе направление исследований феминистской лингвистики – гендерные особенности коммуникации в однополых и смешанных группах. Анализу подверглись самые разные коммуникационные аспекты: телевизионные ток-шоу, диалоги врачей и пациентов, речевое общение в семье и т.д. В основе исследования лежит предположение о том, что на базе патриархальных стереотипов, зафиксированных в языке, развиваются разные стратегии поведения женщин и мужчин. В рамках этого направления исследуется влияние пола на языковую социализацию личности. Несмотря на столь открытую политическую ангажированность феминисток, значимость данного лингвистического направления существенна. Стремление феминистской лингвистики изменить нормы языка и собственно языковую систему вызвали широкий резонанс и междисциплинарную дискуссию. Феминистская критика языка во многом способствовала развитию методов дискурсивного анализа, инициировала создание новых дискурсивных практик, что значительно облегчило решение ряда проблем межкультурного и межгруппового общения. Кроме того, это направление гендерологии способствовало более глубокому изучению словообразовательной и номинативной систем языка, а также культурных стереотипов фемининности и маскулинности в целом. Феминистская лингвистика усовершенствовала и лингвистический инструментарий, разработала новый метаязык, усовершенствовала методики для изучения коммуникативного взаимодействия, количественные социо- и психолингвистические методы.

Обилие исследований в области гендерной лингвистики привело в конце XX в. к развитию ряда социолингвистических направлений на стыке наук; например, изучение гендерных различий в языке, с учетом данных антропологии и культурологии [Fausto-Sterling, 1985], психологии (в том числе социальной психологии) [Lyman, 1997, Kotthof, 2001], биологии и политологии [Connell, 1987, Brooks, 1995, Lakoff, 1990, Messner, 1990, 1997]. В этих работах гендерные отношения рассматриваются как фундаментальная основа формирования идеологических ценностей, заложенных в современной конкурентной иерархической культуре общества. Так, М. Месснер в своих работах утверждает, что спорт как древнейший ритуал отражает в гендерном плане стремление мужчин к победе, конкуренции, соревнованию как природной составляющей их маскулинности, что, в конечном счете, определяет их направленность на власть и доминирование.

Анализ всевозможных проявлений гендерной асимметрии, зафиксированных в культурных и психологических стереотипах, выявил наличие глубоко укоренившейся системы гендерных кодов как скрытой системы неравенства даже в таком оплоте демократии, как США. Свидетельство существования гендерных кодов можно обнаружить во всех сферах и аспектах американской жизни – от бизнеса до службы в армии, от журналистики до законодательства, от спортивных сотязаний и политики до понятий дружбы, чувства юмора и т.д. [Signs of Life in the USA, 1997]. Это направление складывается в новую научную школу, которую можно назвать гендерной семиотикой. Именно это направление открывает новые перспективы развития гендерологии в XXI веке.

Библиографический список

1. Hofstede, G. Culture's consequences: international differences in work-related relations. Beverly Hills CA, Sage Publications, 1980
2. Hofstede, G. Cultures and organizations. Software of the mind. London, McGraw-Hill, 1991
3. Stoller R. J. Sex and Gender. Vol. I: The Development of Masculinity and Femininity // New York: Science House, 1968.
4. Fishman J. The Sociology of Language// Readings in Sociology of Language. – The Hague: Mouton, 1971.
5. Labov W. Principle of linguistic change, Wiley Blackwell, 1972
6. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте, 1975 <http://www.classes.ru/grammar/154.new-in-linguistics-7/source/worlddocuments/.htm>
7. Labov W. Variation in Language // The Learning of Language. National Council of Teachers of English. N. Y., 1971.
8. Fausto-Sterling A. Myths of Gender: Biological Theories about Men and Women, NY: Basic Books, 1985
9. Lyman P. The Fraternal Bond as a Joking Relationship, // Signs of life in the USA, Bedford Books, Boston, 1997
10. Kotthoff H. New Perspectives on Gender Studies in Discourse Analysis // Доклады первой международной конференции «Гендер: Язык, Культура, Коммуникация», М.: МГЛУ, 2001.
11. .Connell R.W. Gender and Power, Stanford: SUP, 1987

12. Brooks G.R. The Centerfold Syndrome , OTVC, Texas, 1995
13. Lakoff R. Talking Power: The Politics of Language in Our Lives //NY, 1990
14. Messner M.A. Sport, Men and Gender Order: Critical Feminist Perspectives, 1990
15. Messner M.A Power at Play: Sport and Gender Relations Signs of life in the USA, Bedford, Boston, 1997
16. Lakoff R. Women's Language//Signs of life in the USA, Bedford Books, Boston, 1997
17. Деррида Ж. Позиции // Академический проект, М, 2007
18. Lakoff R. Language and Woman's Place // NY: Harper, 1975.
19. Tannen D. You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation, NY, 1986
20. Tannen D. Gender and Discourse, Georgetown UP, 1994
21. Tannen D There is No Unmarked Woman// Signs of life in the USA, Bedford, Boston, 1997
22. Signs of life in the USA, Ed. S.Maasik, J.Solomon//Bedford, Boston, 1997

Н.Н. Кошкарлова
Челябинск, Россия

КОНФЛИКТНЫЙ ДИСКУРС В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Прежде чем перейти к анализу способов и средств реализации конфликтного дискурса в жанре политического интервью межкультурного уровня хотелось бы определить ряд теоретических положений, которые находятся в основе настоящего исследования.

1. Конфликтный дискурс мы понимаем как деструктивную деятельность участников общения, речевое взаимодействие адресанта, адресата и целевой аудитории, совокупность способов речевого воздействия, стратегий речевого поведения в конфликтной коммуникации, речевых тактик и порождаемых речевых реакций, определяющих эксплицитное и имплицитное содержание соответствующего поведения коммуникантов, в ходе чего происходит актуализация их национального и культурного опыта с установлением отношений определенной тональности (в случае конфликтного дискурса эти отношения будут носить деструктивный характер). Коммуникация в